

СХИАРХИМАНДРИТ АНДРОНИК (ЛУКАШ) († 1974)

Родиною знаменитого светильника Христовой Церкви, схиархимандрита Андроника, было село Лупа Роменского уезда Полтавской губернии.

Родился он 12 февраля 1889 г. в семье крестьян, при крещении был назван Алексием. Отец его, Андрей Лукаш, занимал должность почтальона в своем селе и возил почту из уездного города Ромны. Мать его, Акилина, была домохозяйкой.

Мать сего великого аввы была красива, ее лицо выражало веру, благочестие, скромность, любовь к Богу и ближним. Против своего желания она была соединена брачными узами с человеком, который был недостойн называться ее мужем. Андрей Лукаш был крайне склонен к пьянству, сей постыдной привычке. Вместе с тем он был весьма жестокого нрава, был вспыльчив и раздражителен. Зная это, благочестивая супруга умела не противоречить ему ни словом, ни делом. В минуты гнева мужа она

молчала, смиряясь, но раздраженный муж наносил ей многочисленные удары по всему ее телу. Чаше это случалось, когда муж был в нетрезвом состоянии.

Вскоре Акилина стала матерью Филиппа, затем Иоанна, Варвары и ангелоподобного Алексия, о ком же и слово.

По словам отца Андроника, Филипп, старший брат, был чрезвычайно тих, кроток и спокоен. На 18 году жизни он скончался. И сестра Варвара в молодом возрасте предстала Небесному жениху. Иоанн дожил до преклонного возраста. Он унаследовал некоторые качества отца, так что благочестивая мать и от сына не видела радости.

Акилина предчувствовала в Алексии Божие дитя и более всего прилагала материнские заботы о нем. Она наполняла его душу истинной христианской любовью, возбуждала в нем голос совести, который не умолкал в продолжение всей его жизни. Смирренная Акилина учила своего сына молитвам, крестному знамению и приучала к церковной жизни. Порой мать замечала, как ребенок потихоньку вставал ночью, становился на колени и, скрестив свои руки на груди, молился о матери, отце, братьях с великим усердием, удивительным для его юных лет. К этим духовным дарованиям присоединились и другие качества: невозмутимая кротость и непоколебимое спокойствие. Их блаженный старец сохранил на всю жизнь.

Семилетнего отрока отдали в сельское трехлетнее училище. Занятия отрока Алексия не были блестящими, но он никогда не оставался на второй год в одном классе. Сам он говорил: «Если бы мне не сдать экзамены, отец по своей жестокости не оставил бы без наказания, но, к удивлению, меня на экзаменах спрашивали то, что я хорошо знал. Так сам Бог мне помогал».

По окончании школы отец устроил его волостным кучером. Алексей возил начальство в уездный город и иногда захватывал почту для волости и был настолько усерден, что очень часто ему давали самые серьезные поручения.

Часто в пути, когда он ехал один, он погружался в тот мир, где непрестанно славится имя Божие. Мать часто рассказывала сыну о монастырях, об уединенной подвижнической жизни. И Алексей с раннего детства горел любовью к иноческой жизни.

Итак, из млада Алексей возлюбил Бога и Бог возлюбил его. Следуя Закону Божию, отрок повиновался родителям во всем. С отроческих лет его тяготила суета мира сего. И он окончательно решил, что лучше ему идти тесным и прискорбным путем, чем жить в миру, шумящем волнами страстей и невзгод.

Алексий, работая кучером, чаще всего ездил по паспортным делам с секретарем волости, который доводился Алексею зятем - мужем двоюродной сестры. Тот помог Алексею досрочно получить паспорт, нимало не подозревая о его желании покинуть дом.

Однажды, идя из храма в воскресный день, по окончании Божественной Литургии, Алексей встретил странника. Поравнявшись с ним, он поприветствовал его с поклоном. Странник, обратив внимание на вежливого юношу, сказал: «Кажется, ты житель не здешний - мирской, вижу твою настроенность монастырскую». Со вздохом ему Алексей отвечал, что с детства мечтает жить в монастыре, но до сих пор не в силах осуществить своего намерения, поскольку не знает ни одного монастыря.

Странник ответил, что знает много монастырей на Руси, что был в Иерусалиме, на святой горе Афон. «Могу, если желаешь, ознакомить тебя с некоторыми обителями нашей России - сказал странник, - для этого нам надо где-то встретиться». Потом он проницательно посмотрел на юношу и добавил: «Дома у вас неудобно». Алексей подтвердил, что это так: отец его строг и не привык принимать странников.

Алексий предложил страннику встретиться завтра вечером на кладбище и спросил, есть ли у него ночлег. Странник ответил утвердительно, и они простились до завтрашней встречи.

На следующий день, вечером, в указанный час, странник поджидал Алексея. Алексей пришел, поприветствовал его поклоном, после чего они начали беседу. Странник много говорил об обителях земли русской, об их уставах и обычаях. Алексей услышал о Лавре Киево-Печерской, Троице-Сергиевой Лавре, обители Саровской, Валааме, Глинской, Оптинской и других. «В Глинской пустыни самый строгий устав, «Афонский», служба там самая продолжительная, начало ее в 12 часов ночи, полунощница, утренняя и так до рассвета, - говорил странник. - В братские кельи женщины не входные, да и вообще очень там строго во всех отношениях».

Алексий был в тревожном восторге и жадно слушал обо всем и избрал для себя Глинскую пустынь. «Глинская» - так про себя мгновенно решил Алексей. Затем, обратившись к страннику после некоторого молчания, он спросил: «А есть ли у Вас знакомый в Глинской?» «Да, есть! Келейник отца настоятеля Глинской обители, бывший послушник. Дам тебе адрес обители, келейнику письмо напишу, он о тебе позаботится».

В следующее воскресенье странник дал Алексею адрес Глинской обители и письмо для монаха.

Через некоторое время Алексей принимает твердое решение уйти в монастырь. Он просит свою мать благословить его в дорогу. Акилина в смятении. Она спрашивает: «А отец?» Алеша покорно просит ее: «Мама, пустите меня, ведь вы знаете, что он возбранит мне идти, а я там буду вечным вашим молитвенником. Он ведь и вас никогда не пускает в обитель». Акилина, в надежде, что Господь не оставит ее любимого сына милостию Своею, снимает свой маленький крестик и благословляет им сына, после чего спрашивает: «Когда же вернешься? Или, быть может, насовсем?»

«Я не знаю, как Матерь Божия устроит», - ответил Алексей и поспешно побежал на вокзал. К его удивлению и счастью, одновременно с ним прибыл и поезд. Он успел взять билет и сел в вагон почти на ходу - впервые в жизни.

В вагоне Алексей уступил место какому-то подошедшему старичку. Тот сел и спросил: «Куда же ты, юноша, едешь?» Алексей отвечал, что едет в Глинскую пустынь. Старичок оказался странником, он ехал на поклонение святым местам - в Софрониевский монастырь, Глинскую и Петропавловскую пустыни. Алексей попросил проводить его до Глинской, на что получил согласие.

Итак, по благодати Господней, Алексей впервые переступил порог Святой обители Глинской. Увидев братию, насельников монастыря, подумал, что они похожи на ангелов, как он сам потом рассказывал. Овеяло его душу благодатным миром, и он ощутил в себе великую радость. «Ум мой встревожился, - говорил старец, - и я всей душою, умом и воздыханием обратился к Царице небесной принять меня в стадо, которое она стяжала, к

непрестанному славословию Господа, в число равноангельских иноков». Алексей дал Матери Божией обещание служить Господу до конца своей жизни, все переносить, терпеть и быть здесь неисходно, всю жизнь. После этого Алексей ощутил еще большую радость на сердце и надежду на милосердие Божией Матери.

Братия, встретивши его, провели к монаху, отцу Иоанну, к которому было письмо от странника. Ласково принял о. Иоанн Алексея и проводил его к настоятелю. Алексей поклонился ему до земли, взял благословение у него и просил принять его в число братии. Отец настоятель ответил, что живут они бедно и послушания у них тяжелые. Юноша Алексей горячо умолял оставить его и изъявил согласие на безропотное перенесение всех трудностей и лишений, только бы быть в доме Господнем. Настоятель передал паспорт отцу Иоанну, велел занести его в канцелярию и зачислить Лукаша Алексея в списки братии. Это было в 1906 году.

Алексию дали послушание быть в гостинной (как это было приятно в Глинской обители). Отсюда началась жизнь сего знаменитого подвижника, жизнь высокодуховная, наполненная непрерывной молитвой, энергичным и неустанным трудом, чем старец отличался всю жизнь. Он провел жизнь в борьбе со страстями, духовными и плотскими, для преодоления которых требовалось немало героических усилий, чтобы быть истинным носителем ига Христова на себе.

Жизнь иноков Глинской обители действительно проходила в тяжелых послушаниях в прачечной, на скотном дворе, на огородах. В монастыре была живописная мастерская, где писали иконы, а также переплетная, портняжная, столярная и прочие мастерские, где трудились монахи. В ночное время в пении службы, псалмов, в чтении и молитвах, которые начинались в полночь, в посте, бдении и трудах иноки полагали свои надежды на будущие блага и покой, которые надеялись получить от Господа не как награду за свои подвиги, но как милость Царицы Небесной и Ее Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Общим установлением, послушание в гостинной длилось шесть месяцев, после чего новоназначенного одевали в подрясник, скуфью, выдавали пояс и четки.

Брат Алексей нес послушание в гостинной только три месяца. Духовное руководство видело в нем смиренного послушника, истинно преданного воле Божией, поэтому раньше срока одели его в духовное одеяние - в подрясник, которого он жаждал и ждал. После этого брат Алексей уже по-настоящему почувствовал себя одним из тех, которые отдал и себя на служение Богу. Он был среди иноков, где не было ни вражды, ни обмана, ни ссор, ни мести.

Послушника Алексея поручили под духовное руководство старцу иеромонаху Аристоклию (в схиме схиигумен Антоний, скончался в Глинской пустыни в 1946 году).

После гостинной Алексею дали послушание в прачечную. По уставу монастыря каждому послушнику полагалось несение послушания в прачечной для смирения год или два года. В каком бы возрасте или образовании ни был бы новоназначенный, он должен был пройти эти степени послушания - гостинная и прачечная. Если послушник был искренне предан монастырской жизни, то после прачечной он нес другие послушания - на кухне или пекарне, в столярной или портняжной мастерской. Иных брали на церковное послушание - судя по дарованию послушника. А некоторых и отсылали домой.

На любом послушании каждому требовалось преодоление самого себя, преодоление трудностей, а главное - преодоление своих привычек, своих собственных недостатков и полное вмещение в свое сердце избранного образа жизни. Духовному руководству было видно внутреннее состояние каждого новоназначенного - может ли он понести в дальнейшем выбранный образ жизни в полном отречении от самого себя.

По трудности послушания не требовалось большой физической силы, тут требовалась преданность тому пути, на который встал послушник. Более слабых недолго держали в прачечной. Видя смирение и терпение, таких назначали на более легкие послушания.

В прачечной брат Алексей проявил себя неустанным тружеником, молчаливым и

смирненным послушником. Видя такое смирение, его через девять месяцев перевели на монастырскую кухню, где он нес послушание два года. Ему нравилось смотреть и за больными (в монастыре была больница). К больным послушник Алексей приходил в свободное время.

По окончании двухлетнего послушания на кухне Алексея облекли в рясофор. Это означало первую ступень монашества. Теперь Алексей, в рясе и камиллавке с покрывалом, считался уже рясофорным монахом. Алексею назначено было послушание на настоятельской игуменской кухне, где готовили для гостей, которые посещали обитель и были на приёмах у настоятеля отца игумена.

Вскоре родители узнали о пребывании сына в Глинской пустыни и мать посетила блаженного. Увидев его в монашеском одеянии, она от радости облилась слезами. Она не осмеливалась предполагать возвращения Алексея домой, но была рада видеть своего сына в ангельском образе.

Между тем не следует умолчать и о том, что благочестивая мать Акилина претерпела от сурового мужа за сына. Андрей Лукаш настойчиво требовал сказать ему, где сын. Акилина отвечала, что не знает. После, когда отец узнал о пребывании сына в монастыре, он понял, что Алексей не будет его помощником в старости. Тем не менее, он дал свое отцовское благословение сыну на избранный им образ жизни.

Несение послушания на игуменской кухне продолжалось три года, после чего инок Алексея назначили на новое послушание в дальний скит, находящийся в глубине леса в трех верстах от обители. Скит был основан подвижником старцем схиархимандритом Илиодором на берегу небольшой речки.

Жизнь в скиту была очень строгой, женщины не входили даже в ограду скита. В этом тихом уединенном месте инок Алексей исполнял обязанности келаря, прилагая труды ко трудам.

За стеной его кельи жил монах, проводивший целые ночи в молитвах. Алексею были слышны удары поклонов земных, и это ещё более возбуждало в нем дух ревности по Боге. Старец Андроник спустя много лет всегда с большим воодушевлением и радостью вспоминал о жизни в скиту, которая, по его словам, была ангельской.

В скиту Алексей прожил три года. Отсюда его призвали на военную действительную службу, которую он проходил в Польше три года и шесть месяцев.

По окончании военной службы Алексей вернулся в родную обитель. Он принял послушание на монастырской пасеке.

В 1914 году началась Первая мировая война, которая не миновала и ревностного инок Алексея по причине того, что его ещё не постригли в монашество. Вместе с другими иноками Глинской пустыни Алексей пошел защищать свою родную землю.

Иноки приложились к чудотворному Образу Рождества Пресвятой Богородицы (монастырь Глинской пустыни основан был именно в честь и во славу Рождества Пресвятой Богородицы), прося Царицу Небесную возвратить их невредимыми в родную для них святую обитель для дальнейших подвигов в иноческой жизни. Иноки получили благословение от настоятеля, они просили его святых и богоугодных молитв о их возвращении.

Во время военных действий на западном фронте их взяли в плен, затем перевезли в Австрию. Здесь Алексей пробыл три года.

Старец Андроник позже рассказывал, как в лагере группа сектантов - баптистов хотела обратить Алексея в свою веру. Баптисты с каждым днем увеличивали свой штат, они пытались затащить и Алексея в свою сеть, но тот отвергал все предложения. Я, говорил батюшка, в пылу гнева так сказал: «Да будете вы прокляты и ваше скопище богомерзкое. Оставьте меня». Так он избавился от этой группы баптистов.

Работать ходили в организованном порядке, копали канаву для канализации.

Алексей привыкший трудиться, работал весьма старательно, чем обратил на себя внимание самих конвоиров. Те предлагали Алексею сигары. Удивленные отказом, они

отдавали ему лишнюю порцию хлеба. В 1918 году, освобожденный из плена, Алексей возвращается в Глинскую пустынь. Старец Андроник вспоминал, что в плену отягчены были чрезмерно, не надеялись остаться в живых, но при надежде на Бога, утешающего во всякой скорби, выжили.

Настоятель архимандрит Нектарий определил послушание иноку Алексею быть весовщиком на монастырской мельнице города Путивля, находящейся от обители в 38 верстах. Инок Алексей щедро одарял бедных, нищих, всех тех, кто приходил к нему за помощью. По своему милосердию он постоянно горел сострадательностью ко всем.

В том же 1918 году честнейший инок Алексей был удостоен монашеского пострижения с именем Андроник, которое совершилось во Святой Обители. Он продолжал свое послушание на мельнице, на реке Сейме. Здесь уже было его настоящее деятельное начало высокодуховной жизни и подвига.

На свое послушание он выходил с восходом солнца и совершал его с великой ревностью и усердием, неленостно, старательно и быстро, ибо по природе своей он был весьма энергичный. Ночь отец Андроник проводил в постоянных молитвах. В пище и питии был воздержан, имуществом ограничивал себя самым необходимым, лишнего ничего не имел, за исключением церковной и рабочей одежды, грубожесткой постели, в которую падал на короткое время.

На мельнице труженику-подвижнику пришлось пожить недолго. Его ждали другие подвиги.

В 1922 году обитель была закрыта, и отцу Андронику пришлось жить в миру, он был далёк от жизни в миру, от людей нынешнего времени. Он остаётся в г. Путивле, где нашел себе квартиру. Мать просила сына взять её к себе. В это время отца уже не было в живых. Старший сын Иоанн грубо относился к ней. Отец Андроник согласился оставить её у себя. Престарелая мать прожила у него только два года.

В 1925 году Курский епископ Павлин взял монаха Андроника к себе в келейники. Монах Андроник, предавшись воле Божией и Его Божественному промыслу, был готов на всякое благословение.

С жалостью и нехотя он простился с матерью, которую отвез опять к брату Иоанну. Со скорбью он оставил маму у брата, ибо знал, что не спокойно ей там будет. Он просил брата, чтобы тот относился с достойным почтением к матери.

Затем он вернулся в полное распоряжение епископа Павлина в город Курск и приступил на своё послушание - келейника.

Сказывал старец, что вначале не хотелось ему быть возле епископа: он боялся высоких людей, боялся роскоши. Но, к его счастью, епископ Павлин был очень скромным и отличался аскетической жизнью, что было очень приятно отцу Андронику. Владыка Павлин видел в лице Андроника искреннейшего, честнейшего и преданного сына, который служил ему не только по домашним келейным обязанностям, но в соборном служении архиерея.

По своему усмотрению епископ Павлин счел необходимым посвятить отца Андроника в сан иеродиакона, но последний считал себя крайне недостойным этого священного сана и очень упрашивал своего архипастыря не делать этого, но мудрый епископ отвечал ему: "Не для служб тебя посвятить я хочу: ты мой келейник и прислужник как иподиакон. Мне нужно что-то с Престола подать или положить на Св. Престол митру или панагию, - вот для этого я и посвящаю тебя". И в 1926 г. монах Андроник был посвящен в сан иеродиакона.

Вскоре, в 1927 г., Преосвященнейшего епископа Павлина назначили в г. Пермь, куда он переехал вместе с о. Андроником.

Там благоговейный труженик-подвижник старательно нес свое послушание келейника и прилагал свои личные подвижнические труды ко трудам.

Епископ Павлин всегда брал с собой по служебным делам отца Андроника. Так однажды Владыка был вызван в Москву, куда его сопровождал и отец Андроник. Это было

в 1928 г, и Преосвященнейший архиепископ Павлин (он скончался в 1939 г.) в Москве рукоположил отца Андроника в сан иеромонаха, который, по своему крайнему смирению, считал себя недостойным такой чести.

Вскоре, по возвращении в Пермь, по причине болезни о. Андроника постригли в великий ангельский образ - схиму с тем же именем - Андроник.

В те годы священнослужители терпели великие гонения. Аресты, ссылки были делом обычным. Отца Андроника выслали в Сибирь. Однажды в лагерь привезли архиепископа Назария, едва живым, который вскорости и скончался. Отец Андроник находился на службе в лагерной больнице и имел некоторую возможность оказывать помощь другим. Благодаря этому он взял на себя похороны почившего архиепископа Назария, предав его земле по чину, и известил об этом своего владыку Павлина, который доложил об этом митрополиту Сергию, Патриаршему Местоблюстителю, за что глава Русской Церкви наградил иеромонаха Андроника наперсным крестом.

В 1940 году начальник лагеря взял отца Андроника к себе в работники. В этой семье отец Андроник был как родной. Он пользовался большим уважением и любовью. Отец Андроник готовил обед, смотрел за огородом и животными. Хозяева предоставили отцу Андронику отдельную комнату в доме, но он отказался, несмотря на уговоры. Местом жилища он избрал себе сарайчик. Там он отгородил от скота небольшое место для краткого покоя от многих трудов своих. Один Бог был свидетелем тех подвигов, которые старец совершал в своём сарайчике.

Отец Андроник пользовался правом свободно посещать церковные службы в Новосибирске. Однажды в храме он узнал от живших там монахинь о том, что Глинская пустынь вновь открыта. Ему показали и фотографию настоятеля обители - архимандрита Серафима (Амелина). (Архимандрит Серафим был настоятелем с 1944 года и до своей кончины в 1958 г.). Отец Андроник стал просить своего хозяина отпустить его в обитель Глинскую. Хозяин не хотел с ним расставаться, ибо был сильно привязан к нему. После настойчивых просьб он, однако, был вынужден отпустить его. Он просил отца Андроника известить его, если тот будет иметь в чём нужду. «Если будет плохо, приезжайте ко мне, как к сыну», - сказал он.

В 1948 году благоговейный подвижник иеросхимонах Андроник возвращается в родную и любимую им святую обитель, на свою духовную родину, которая возродила его в духовных подвигах, в многосторонних опытах духовной его жизни. К великой радости своей, он был встречен весьма тепло. Настоятель архимандрит Серафим оказал отцу Андронику самые тёплые чувства братской любви. Вскоре отец Андроник был назначен благочинным святой обители Глинской. Как и раньше с чувством духовного подъёма и радости иеросхимонах отец Андроник приступил к обязанностям своего послушания. Он относился к братии с большой любовью, и вся братия видела в его лице не только своего руководителя в послушании, но имела в его образе мудрого и опытного духовного наставника. К нему обращались с любыми вопросами, за наставлениями, а также старались попасть к нему на исповедь.

Исполняя обязанности благочинного, он сам всегда собирал братию на общее послушание - в лес на заготовку дров для обители, на посадку огорода, уборку сена из монастырского луга. В этом также принимали участие приезжие паломники, которые охотно ходили на общее монастырское послушание, которое всегда возглавлял сам старец Андроник. С ним было всегда и легко, и радостно, и приятно.

Кроме благочинного, батюшка исполнял обязанности ризничего. Он приготавливал комплекты облачений служащим священнослужителям, сам после службы убирал и складывал облачения. Перед большими праздниками отец Андроник сам облачал Святой Престол и Жертвенник Алтаря. Это было его самое любимое занятие. Всё сделанное им было весьма аккуратно, чисто и красиво.

Живя в монастыре, подвижник всё более и более пользовался особым почтением и благоговением к нему братии. К примеру, один архимандрит по имени Афанасий, бывший СХИАРХИМАНДРИТ АНДРОНИК (ЛУКАШ)

житель старого Афона, который также очень отличался подвижничеством и благочестием, в своём преклонном возрасте имел желание принять великий образ монашеского чина Схимы. При этом он очень просил, чтобы обряд совершил над ним именно отец Андроник и чтобы тот был его восприемником, то есть духовным отцом. Отец Андроник по своей скромности отказывался от такого предложения старца, говоря, что в монастыре были старше его по чину и возрасту, но настойчивые просьбы убедили батюшку, ибо сам благоговейный старец архимандрит Афанасий выбрал именно отца Андроника. Архимандрит Афанасий видел в нём самого достойного, которому и хотел доверить себя самого. Постриг был совершён отцом Андроником, и он остался личным духовником архимандрита Афанасия. Это было в Великий Пост.

С наступлением Святой Пасхи первый день, как правило, служил всегда сам настоятель, на второй день Пасхи службу совершал один из старших пастырей обители. Эту службу в монастыре совершал схиархимандрит отец Афанасий, ибо в обители архимандритов больше не было. Служба прошла в сослужении нескольких иеромонахов. По окончании Святой Литургии во время заамвонной молитвы старцу Афанасию стало плохо. Он упал у самого Престола. Его подняли и с трудом отвели в его келию, где он тихо и мирно скончался. Среди насельников монастыря было много старцев в самом преклонном возрасте. Многие из них были в сане священства. Если кто-нибудь из них чувствовал близость своего часа для перехода в вечность, то спешил пригласить к себе старца Андроника, который принимал их последнюю исповедь и напутствовал их Святыми Тайнами Тела и Крови Христовой. Да и сам старец Андроник спешил навестить тяжело больного. Умиравших батюшка сам омывал, мазал маслом и опрыгивал их честные тела, клал в гроб, первый служил панихиды по ним прямо в келье почившего. Затем гроб с останками заносился в Храм.

Один весьма престарелый монах Симеон также просил отца Андроника постричь его в схиму. Батюшка исполнил прошение старца, совершил постриг и дал имя - Сергей. Через некоторое время новопострижеиногo ударил паралич и у него отнялась речь. Старец Андроник пришел его соборовать. Во время этого таинства у больного восстановилась речь, он исповедался, и батюшка его причастил. После у отца Сергия опять отнялась речь и вскоре он скончался.

Достигши степени полной любви, отец Андроник имел Царствие Божие внутри себя. Имея непрестанное воздыхание о Царствии Божием, постоянно горел необыкновенной сострадательностью ко всем.

По молитвам старца Андроника, в обители было много удивительных случаев. Однажды один послушник по имени Сергей заболел крупозным воспалением лёгких. Течение болезни увеличивалось, врачебное вмешательство не помогало, и ожидали уже кончины. Решено было послушника Сергия соборовать и причастить, приготовить к исходу. Старец Андроник совершил над больным соборование, причастил послушника. По совершении молитвы послушнику стало легче, и на третий день он стал совершенно здоровый. Подобных случаев было много.

Однажды батюшка сам заболел, у него было кровоизлияние в мозг. Болезнь была весьма тяжелой, и уже теряли надежду на выздоровление батюшки. Его помаслособоровали и причастили Святых Тайн Христовых. В таком состоянии он находился три дня, ничего не вкушая. В это самое время один инок по имени Адриан, который нёс послушание на скотном дворе, внезапно заболел и через три часа скончался. Об этом отцу Андроннику сказал келейник и батюшка ответил: «Господь послал Ангела по мою душу, а на пути указал другую, чтобы я ещё пожил для других». После этих слов батюшка попросил воды, ему стало гораздо легче, и вскоре он выздоровел.

Своим многолетним подвигом батюшка приобрёл себе светлый, благодушный, пронизательный взгляд на жизнь. Ему ведомы были все человеческие немощи, и он был исполнен высочайшей снисходительной любви ко всем: ему одинаково дороги были богатый и нищий, знатный и простой, ибо он смотрел на них не со стороны их внешнего

положения, а со стороны их внутреннего душевного устройства.

Чудное действие производила убогая, но вся проникнутая духом небесного мира, веры и любви келья батюшки. Войдёшь в неё иногда беспокойным, расстроенным, с усталым сердцем - и всё это как рукой снимет под тихую умиротворяющую речь старца. Сама обстановка кельи: иконы, мерцание лампы, картины и портреты - все это уже проливалось на душу целительное успокоение.

Речь батюшки была простой, в высшей степени ясной, живой, задушевной и увлекательной. Слушая его, не хотелось оставлять его, отойти от него - каждое его слово глубоко западало в душу и оставляло в ней неизгладимый след.

Следует отметить, что старец имел от природы необыкновенную кротость и смирение. Архиереев он почитал, как самого Христа, и когда правящие епископы посещали обитель Глинскую, отец Андроник сам прислуживал им во всем: подносил обеды, топил печку, протирал полы. Он был им как послушник. Иногда епископы, жалея старца, просили более молодого послушника прислуживать им, но батюшка сам хотел быть послушником. Видя такое смирение старца Андроника, епископ Евстратий (управлявший Сумской епархией с 1951 по 1958 г. В 1972 г. скончался и до самой кончины имел переписку с о. Андроником) очень полюбил старца и возвел его в сан игумена, чему батюшка возражал: "Схима превышает все награды, она есть предел всех наград".

Однажды отца Андроника послали в Епархию по некоторым поручениям от настоятеля монастыря. (Это был единственный случай поездки батюшки. Он уклонялся от таких отлучек из монастыря и всегда говорил, что монах, вышедший из монастыря на короткое время, уже не вернется таким каким вышел). Он поехал со своим келейником иеродиаконном Павлином.

Любезно, с подобающей почтительностью, принял Преосвященнейший Евстратий старца. Из Епархии пригласил к себе в дом, почтил его трапезой, довольно долго беседовал с ним. В заключение беседы, в присутствии келейника батюшки, Преосвященнейший епископ Евстратий обратился к нему с просьбой: "Я, как архиерей, прошу вас преподать мне ваше отеческое благословение и перекрестить меня, как благословляете всех". Батюшка всячески отказывался, но по настоянию Владыки он его благословил и тот поцеловал ему руку. Это его действие выразило глубокое смирение архиерея, который в такой момент не приказал выйти келейнику о. Андроника. При виде этого келейника объял страх и волнение, он был тронут до слез. На прощание Владыка попросил батюшку по отходе ко сну благословлять святым Крестом его сторону.

Очень часто батюшка обращал внимание на подвиг смирения и говорил, что одно только смирение бывает выше всех дьявольских сетей и избегает их. Через смирение можно быть помилованным от Бога, ибо в смирении заключается всякая радость человека. Смирение оживляет нас и наполняет удивительной тишиной и незлобием душу. Без смирения нельзя исполнить заповеди Божий, а также обеты иноческие и достигнуть какой-либо добродетели, ибо никакая добродетель не может быть совершенна без смирения. По мере того, как человек смиряется, он получает помощь от Бога и преуспевает в добродетели. Все святые прежде всего старались смирить себя, свой разум, преклоняясь пред всеми, чтобы соединить себя с Богом. Ни на кого не гневались, не роптали и. таким образом, привлекали к себе благодать Божию, которая отводила от них всякое искушение. Когда их постигали скорби, они прибегали к самоукорению и считали себя достойными порицаний и через то получали спокойствие, т.к. смирением сокрушаются все силы врага и искушителя. Смирение избавляет человека от многих зол и способно ввести человека в Царствие Божие. По мере того, когда человек смиряется, считая себя хуже всех и ниже всех, он получает помощь от Бога и преуспевает.

Святые подвижники знали, что без смирения нельзя спастись и что без смирения не может быть совершенна никакая добродетель, угодная Богу. Ибо Господь сказал: "На кого я воззрю - только на смиренного и молчаливого и трепещущего моих словес". Смирение расторгает все сети вражий, оно не позволяет пасть человеку в грех, но способно

воздвигнуть от падения тех, кто имеет его. Оно есть орудие, искореняющее все плевелы наши с поля Владыки Христа, т.е. покрывает все грехи наши, умиляет Господа и без труда отворяет нам райские двери. Нам же, гордым, чтобы научиться смирению, недостаточно одного самоуничтожения. Не нужно и самому браться за исполнение низких дел, надо исполнять повеления от других, а также переносить внешние огорчения и досады от людей. Но кто хочет научиться смирению и не переносить оскорблений, тот не может приобрести смирения, а когда нет смирения, то все наши дела и добродетели, которыми думаем угодить Господу, суетны и ничтожны. Ибо добрые дела без смирения подобны пыли, уносимой с первым дуновением гордости. Нужно знать нам и то, что ни о чем столько не скорбит сатана и ничем столько не прогоняется и не обезоруживается, как тем, когда человек любит смирение и бесчестие. Первое непобедимое свойство этой прекрасной и достигнутой добродетели - смирения - есть принятие бесчестия с полным удовольствием, когда душа принимает бесчестие с простертыми руками и обнимает его как некое дорогое лекарство, успокаивающее и поправляющее душевные болезни и великие грехи. Смирение с послушанием есть непридуманное оправдание пред Богом, неоязненность смерти и полнейшее удовлетворение души, которая еще при жизни вкушает райскую радость, которая уже воскресла для вечного блаженства».

Однажды Св. обитель посетил правящий епископ Иоасаф (управлял Сумской епархией с 1958 по 1959 г.г. Впоследствии был митрополитом Киевским. Экзархом Украины, и в 1966 году скончался на Киевской кафедре). В беседе с монастырским начальством, где присутствовал и старец Андроник (он был и членом старческого Совета обители), епископ дал свое распоряжение не кормить паломников из монастырской кухни (в монастыре было принято кормить не только братию, но и всех паломников, также им раздавали бесплатно хлеб из монастырской кладовой, так как некоторые из них жили подолгу в гостинице, которая также была бесплатной).

Старцы обители с неохотой, против своего желания дали слово исполнить распоряжение епископа. Старец Андроник долго молчал. Как обычно, он на таких собраниях монастырского руководства всегда был во всем согласен и молчал, а тут в его душе имело место другое. Он выступил против предложения епископа, пояснив, что не братия кормит богомольцев, а богомольцы кормят монахов, «Богомольцы кушают не наше, а своё», - сказал старец Андроник, - ибо они шлют и везут всё сюда». Вся братия была на стороне отца Андроника. После этого общая трапеза для всех продолжалась.

В святой обители батюшка с любовью принимал участие во всех послушаниях. В праздники после служб и трапезы он не отдыхал, а прочитывал несколько глав из Евангелия, которое очень любил читать, читал акафисты, затем спешил на кухню и чистил картофель для общей трапезы. Одного из братии он назначал на чтение жития святых с тем, чтобы не было празднословия и чтобы братия назидалась словом Божиим. Он даже помогал чистить отхожие места обители, когда это требовалось. Батюшка не брезговал тяжелых послушаний и был чрезвычайно чистоплотным и аккуратным, и во всех тяжелых послушаниях он был первым.

В последнее время во святой обители был такой устав. Повседневное утреннее богослужение начиналось в 4 часа утра, на котором сначала читались утренние молитвы, потом шла полунощница, по окончании которой начиналась утренняя. По шестой песне канона читался пролог с амвона. По окончании утрени, которая несколько не сокращалась, был маленький перерыв, затем начиналась Божественная Литургия, по окончании которой братия принимала пищу и шла на различные послушания. Те, кто нес послушание на поварне, уходили после шестопсалмия. Служащий иеромонах брал огонь из лампы от чудотворного образа Богородицы и давал повару, который зажигал печь на кухне благословенным огнем.

Вечерня начиналась в 5 часов. По окончании вечерни был перерыв, во время которого некоторые из монахов принимали пищу для подкрепления. Затем начиналось повечерие, на котором прочитывались каноны: Спасителю, Божией Матери, Ангелу-

Хранителю; затем шли молитвы на сон грядущим. По окончании всего монахи целовали крест, прощались друг с другом и шли по своим кельям для продолжения молитвы наедине.

Встречи и всевозможные вопросы и другие разговоры с паломниками уже не допускались монахами, а батюшка уклонялся даже давать благословение паломникам, боясь, чтобы не создавались какие-либо разговоры или вопросы. Он шел из храма поспешно и говорил: «Бог всех вас благословит», если кто пытался его остановить и просил благословения. Своих духовных детей из братии он принимал в любое время и был весьма внимателен к каждому.

С вечера батюшка всегда прочитывал 5 глав из Евангелия, одни четки с 30-ю поклонами, затем клал отдельные поклоны: (в точной подробности списываем с его рукописи, которая случайно была найдена) Спасителю, Матери Божией, Ангелу-Хранителю, Св.Архистратигу Божию Михаилу, Святому великому пророку Иоанну Крестителю, Св.апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, Св.апостолу Андронику, Св.апостолам Петру и Павлу, Андрею Первозванному, Луке, Марку, Матфею, Святым пророкам Илье и Моисею, Св.праведным Иоакиму и Анне, праведным Захарии и Елисавете, Симеону Богоприимцу и пророчице Анне; Святителям Христовым: Василию, Григорию, Иоанну, Николаю, Алексею, Феодосию, Иоасафу, Гермогену, Петру, Арсению, Стефану; великомученикам: Пантелеймону, Георгию, Иоанну Воину, Димитрию Солунскому, Нестору, Гурию, Самону и Авиву; великомученицам: Варваре, Екатерине, Акилине, Татьяне, Вере. Надежде, Любви, Софии, Параскеве; Святым равноапостольным: Нине, Марии Магдалине, Фекле; преподобной Марии Египетской, мученице Фомаиде, преподобному Серафиму Саровскому, преподобному Сергию Радонежскому, преп.Иоанну, Тихону Калужскому, Афанасию Великому, Пахомию Великому, Варлааму, Иоасафу, Авениру, Алексею - человеку Божию, Симеону Верхотурскому, Иову Почаевскому, Св.благочестивому князю Александру Невскому, Константину и Елене. Владимиру, преподобному Мартиниану, преподобному Иоанну Многострадальному.

После этого батюшка клал поклоны за настоятеля, своих духовных чад, близких, за умерших из числа братии, за родных. Затем ложился спать на короткое время. Вставал он ночью, в два часа или раньше и уже не ложился спать, говорил: «Томлю томящего мя».

Он совершал свое пятисотное правило не спеша, со всяким благоговением и вниманием полагая поклоны. После пятисотного правила, по четкам, он читал ещё четки святым угодникам, а потом переходил на чтение Божественного Евангелия, Псалтири с помянником и акафиста. Ещё батюшка очень любил читать «Службу по вся дни», она была с ним и в ссылках, и в лагерях.

По обязанности благочинного отец Андроник в ночное время ходил проверять сторожей. Если кто из послушников просыпал или заболел или если кого не оказывалось на полунощном богослужении, батюшка сам ходил по келиям, узнавал причину отсутствия брата.

Батюшка не отказывал в напутственном благословении и молитве приезжим паломникам. Он назначал время вне службы в храме. Паломники собирались, и он сам совершал молебен о путешествующих. Это ему очень нравилось, и молился батюшка всегда очень прилежно.

Так протекала его радостная жизнь во Святой обители. В 1961 г. Глинскую обитель вновь закрыли. Божиим попущением батюшка переехал на Кавказ. Ехал он вместе со своим собратом и сослужителем схиигуменом Серафимом, который следовал до Сухуми. Он предлагал и батюшке остаться возле него, но тот отказался. Он ехал к своему келейнику иеромонаху Павлину, который был в распоряжении Грузинского Патриарха Ефрема и исполнял обязанности священника в женской общине среди монашествующих в селении Ахкерпи. Это селение находилось на расстоянии 90 км от города Тбилиси в сторону Армении. Приезду о. Андроника обрадовался его духовный сын иеромонах Павлин. Ему рады были игуменья Мария и сестры-инокини.

Батюшке очень понравилось это пустынное место, которое поистине отличалось

особенной красотой. Хижина, предоставленная на жительство старцу Андронику, стояла на берегу шумной речки; рядом был удивительной красоты лес, куда батюшка иногда удалялся для уединённой и созерцательной молитвы. Очень понравилось батюшке кладбище, где были похоронены архимандрит Иесей и иеромонах Ферапонт, которые в своё время служили в монастыре. На кладбище были похоронены и сестры обители. Старец часто посещал это кладбище, служил там литии, хотелось ему и самому быть там похороненным. Все казалось таким прекрасным и удобным для спокойной жизни подвижника в этом тихом уголке, удаленном от шумных городов. Здесь не беспокоили и посетители, которыми батюшка часто тяготился и говорил, что беседа с людьми нарушает беседу с Богом.

Так протекала тихая жизнь батюшки в этом месте шесть месяцев. В самом конце 1961 года иеромонах Павлин получил назначение на приход в Дагестан в город Хасавюрт. Старец Андроник не хотел остаться без своего келейника в селении Ахкерпи, хотя об этом его очень просили игуменья Мария и все сестры обители. Он переехал на новое место подвигов.

На приходе батюшка во всем помогал своему духовному сыну. Многие прихожане города приходили за советом к старцу. Всех батюшка принимал с радостью, давал советы, утешал скорбящих. В храме помогал исповедовать, принимал участие в церковных службах, особенно в праздники, иногда служил молебны и акафисты по просьбе верующих, которые весьма почитали его. Батюшка был всем доволен и как всегда благодарен Господу. Эта жизнь протекала недолго при сложившихся обстоятельствах. Батюшка благословляет отца Павлина на учебу в семинарию, а его просит отвести и оставить в Тбилиси в распоряжение преосвященнейшего Зиновия, епископа, который был также выходцем из монастыря Глинской пустыни.

Трудно было отцу Павлину расставаться со старцем-духовником, но такова была на то воля Божия, не хотелось этого и самому батюшке, но это совершилось.

Владыка Зиновий принял отца Андроника любезно, приютил его в своем дворе, в отдельной хижине. Здесь и дожил батюшка до перехода в вечность.

Батюшка всегда пребывал с памятью о смерти, содержал себя постоянно в страхе Божиим воспоминанием вечных мук и болезней, не имеющих конца - то есть воспоминанием неугасимого огня и того червя, который никогда не умирает. Этим средством батюшка удерживал себя от всяких сладких удовольствий мира сего и побуждал себя к лучшему.

В 1963 году изволением преосвященнейшего епископа Зиновия было определено произвести батюшку Андроника в архимандриты.

В это время батюшку посетил бывший настоятель Глинской пустыни архимандрит Модест и его келейник иеромонах Павлин (во время каникул). Владыка сказал отцу Павлину о своем намерении произвести отца Андроника в сан архимандрита и велел не говорить того старцу. К полудню приехал Владыка навестить батюшку и попросил его послужить обедницу. Батюшка, ничего не подозревая, облачившись в фелонь, служил. В это время Владыка стоял в мантии, епитрахили и велел батюшке наклонить голову, произнеся молитву о возведении в сан архимандрита. После этого старцу Андронику одели митру, которую он в течение одиннадцати лет, до самой смерти ни разу не одевал, по смирению.

Со всею любовью отец Андроник посещал святой храм Александра Невского, в котором служил Владыка Зиновий. Батюшка принимал самое усердное участие во всем, что позволяли его старческие силы. Два раза в неделю - в субботу и воскресенье, а также в праздничные дни приобщался Святых Тайн Тела и Крови Господней. Он помогал исповедовать верующих, вынимал частицы из просфор, выходил на соборные акафисты и всегда он радовался.

Преподобный старец посетил все святыя места древней Иверии. Он был во Мцхета, где хитон Спасителя, посетил Бодбе (Сигнахи) - место подвигов святой Нины. Батюшка

восхищался живописными красотами Кавказа. Исполненный радости, он восклицал: «Это Палестина, это Палестина!». Он очень любил природу Кавказа.

Однажды батюшка решил просить благословение митрополита Зиновия отпустить его на жительство в Жировицкий монастырь. Хотелось ему во святой обители сложить кости свои. Владыка не дал ему такого благословения. Батюшка принял это как благословение свыше - от Бога. «Не моя воля, но воля Божия», - говорил он. Нисколько не огорчился этим, но часто поговаривал: «Ин тя пояшет и ведет, аможе не хочещи». После этого он продолжал нести свое послушание в Храме, вынимал частички из просфорок, исповедовал прихожан, которые так и старались попасть к нему на исповедь. Приезжим служил молебны на путешествие, желающих маслособоровал и во всех Богослужениях был радостный и активный участник. На соборное служение акафистов выходил с митрополитом, всегда восхищался и радовался началу всякого Богослужения.

По окончании Литургии и всяких треб батюшка не садился отдыхать, но уединялся и читал Святое Евангелие, а потом кушал. Кушал он всегда за столом с митрополитом, который его очень любил. После обеда до наступления вечернего Богослужения батюшка находился в часовне, что во дворе церковном. Там он немножко давал себе отдыха - не более часа, а затем дверь его была открыта для посетителей. Он выслушивал всех, утешал, давал полезные советы, наставления. Так протекала его светлая жизнь, освещавшая всех, кто посещал его. Он был воистину светильник на свещнике церковном.

Батюшка не смущался никакими кознями вражьиими. И Бог прославил его повсюду. К нему приходили многие ради пользы душевной, и старец неленостно поучал их примерами из Божественного Писания. Особенно оберегал он всех от гордости и осуждения. В своей беседе с одним духовным сыном он рассказал, что знал монаха, который был очень тих, смирен и кроток, но когда осудил кого-то, то благодать отошла от него. «Не судите да не судимы будете», - сказал Господь.

Пуškai, Бог с ним, кто-то рано кушает, поздно кушает, много кушает или мало. Каждого Бог создал, пусть и кушает, не надо нам удивляться и кого-то осуждать.

Батюшка, день и ночь упражняясь в духовных подвигах и увеличивая труды свои, непрестанно заботился о своем спасении.

Своим ученикам - инокам батюшка говорил: «Каждый час следует нам бодрствовать и пребывать в молитве, ибо Господь сказал своим ученикам: Бдите и молитесь. Непрестанно молитесь. Следует постоянно ожидать и помышлять о часе смертном, боясь огня вечного. Пусть не страшит мысль о трудностях и тяжести жизни в мирских условиях, ибо путем многих скорбей можно войти в Царство Небесное. Не место освящает человека, а человек место. Где монах, там и монастырь, живите по-монашески, и будет вам монастырь. Разумно проводите жизнь свою, живите чисто, кайтесь, молитесь, чтобы не постигла вас внезапная смерть и страшный гнев Божий. Многие легли спать и не встали, так и мы ложимся и не знаем, встанем ли утром. Не уклоняйтесь от исполнения правила молитвенного».

Приходили к старцу иноки из других монастырей, приезжали пустынники из различных областей России. Были иноки из Лавры Преподобного Сергия. Батюшка с радостью принимал всех, неослабно и без лености поучал их: «Добрыми делами исполняйте заповеди господни, послушанием, кротостью и смирением». Многие студенты Московских Духовных Семинарий и Академии посещали старца, слушали его советы. Он говорил им: "Учитесь Закону Божию, имейте сердце и душу чистыми. Одежда души - истинная вера, молитва, слезы, воздыхание и покаяние, чтобы всегда была с вами, и Господь вас не оставит".

Поучая приходящих, батюшка не уклонялся от исполнения своего молитвенного правила. Кроме того, он читал Святоотеческие книги и жития святых. В беседах часто приводил примеры из жизни святых угодников и мучеников.

Много лет ведя суровую жизнь и шествуя скорбным и тесным путем, украшен сединами и добродетелями, отец Андроник достиг маститой старости. Среди неослабных

СХИАРХИМАНДРИТ АНДРОНИК (ЛУКАШ)

подвигов строгого воздержания, поста, бдения и молитв батюшка приближался к исходу из сей жизни. Часто он говорил инокам-ученикам: "Вручаю вас Матери Божией. Она вас не оставит. Она вас избрала, Она и спасет вас". Так же он говорил и мирянам.

Последней службой о. Андроника была служба в день Архистратига Божия Михаила. За Литургией он причастился Святых Христовых Тайн. Направляясь к вечерне, он встретил Святейшего и Блаженнейшего Патриарха Грузинского Давида, приехавшего посетить митрополита Зиновия. Он благословил о. Андроника и сказал: "Отец Андроник, я благословляю Вас во время Вашего участия в Богослужении одевать Митру". На что он ответил, что он схимник. Святейший сказал: "Ничего, я благословляю". Вечером, после службы, о. Андроник поехал в свою келью, которая находилась на расстоянии около трех километров от храма. В тот вечер его посетил духовный сын - игумен Павлин. Он рассказал ему о встрече с Патриархом и о его благословении носить Митру. "Я нигде не одевал ее и не могу", - сказал старец.

Утром, 9 ноября, во время чтения утренних молитв, батюшка стал говорить невнятно и сбивчиво. Вскоре у него не стало речи, он едва сказал, что ему плохо, его уложили в постель. У него отнялась левая сторона. Тяжелое состояние продолжалось около трех дней. Митрополит Зиновий навещал его ежедневно. Многие полагали, что он при кончине. При нем постоянно находились игумен Павлин и иеромонах Вениамин, его келейник. Они ночью сменяли друг друга и бодрствовали над тяжело больным своим духовным отцом. После трех дней ему стало легче, а спустя 25 дней у него восстановилась речь, но не совсем чисто. При нем постоянно и неотлучно находились иеромонах Вениамин и иеромонах Филарет. За усердный уход за батюшкой митрополит Зиновий удостоил иеромонаха Филарета саном игумена с правом ношения палицы.

Лежащего, больного батюшку посещали уже не многие, но он так же радостно, как и прежде, принимал всех. Чрезвычайно поучительными и назидательными были последние его дни. Чувствуя, что болезнь его уже непоправима, он отказывался от врачебной помощи, ища облегчения своим страданиям у Небесного врача. Во время болезни угодник Божий неоднократно прибегал к Таинству елеосвящения и почти ежедневно причащался Святых Христовых Тайн.

С наступлением Великого Поста батюшке стало немного легче. На первой седмице он пел ирмосы Великого канона: "Помощник и Покровитель", часто говорил "Христос Воскресе!" Болезнь все более и более овладевала им. Зрение его стало ухудшаться, но внутренние очи его и тогда оставались ясными. Он часто просил своих учеников-инок Филарета и Вениамина читать ему что-нибудь из книг Божественного писания, а также Святоотеческих книг и петь Божественные песни, как-то: "Царице Моя Преплага" и другие.

Не делая никакого завещания относительно своего погребения батюшка во всем полагался на промысел Божий и Его Пречистой Матери.

Прозревая близость своего отхождения ко Господу, батюшка пригласил к себе митрополита Зиновия и сказал ему: "Отхожу от Вас к отцам нашим. Прошу Вас, Владыка, оберегайте иноков обители нашей, не оставляйте их, и Вас Матерь Божия не оставит". Владыка, выслушав его просьбу, заплакал, заплакал и батюшка. Батюшка уснул, а Владыка уехал.

На третьей седмице ему стало хуже, от пищи батюшка отказался. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра он был в забытьи. В таком состоянии он пребывал до вечера. Его никто не беспокоил. Ждали, пока сам батюшка пошевелит рукой или откроет глаза, а к 10 часам, открывши глаза, очень разборчиво сказал: "Милость Божия все покроет". После он, улыбаясь, кого-то благословлял и опять погружался в крепкий сон. 19 марта он тихо сказал отцам-инокам, которые были возле него, что он будет умирать. Вечером он уснул и во время последнего сна пульс у него стал слабеть, дыхание утихать, на лице выразилось ясное и полное спокойствие. С наступлением утра, 21 марта 1974 г., в шестом часу, батюшка мирно предал свой дух Господу. Лицо батюшки было светлым, как у

живого. Иноки, находившиеся при нем, опрятав честное тело его в схимнические одежды, одели епитрахиль и поручи на руки, очень старенькие, которые он много лет хранил для своего погребения. Затем отслужили в его келье панихиду о новопреставленном и начали читать Святое Евангелие.

Без печали готовился к исходу из этого мира батюшка, не скорбел о разлуке с этой жизнью. Радостей и утешений было мало в его подвижнической и трудной жизни. В своей келье он ничего не имел до крайнего убожества, за исключением нескольких икон и книг, по которым он молился. Одевался очень просто и не любил от природы дорогих одежд. Денежных средств никогда у себя не имел. Путем Евангельского милосердия собирал батюшка себе сокровища на Небеси. Он и другим внушал не хранить деньги и говорил: "Где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше". По слову Христову полагал он свое сердце в небесные сокровища, туда же возносил и ум свой. Память смертная, как верный страж, охраняла сердце праведника от привязанностей ко временному и тленному, вселяя в него жажду вечного.

Шестьдесят восемь лет подвизался угодник Божий Андроник в иноческой жизни и блаженную кончину встретил промыслом Божиим не в родной обители.

21 марта гроб с телом почившего был поставлен в храме Святого Благоверного Князя Александра Невского, где он потрудился 11 лет. Митрополитом Зиновием была отслужена великая панихида в сослужении духовенства. Тело почившего батюшки находилось в храме до 26 марта. У гроба непрерывно читалось Святое Евангелие и служились панихиды.

На погребение почившего подвижника и любимого наставника прибыло много духовенства из разных областей России: Духовный сын и ученик батюшки, архимандрит Иоанн (Маслов), доцент Духовной Академии, архимандрит Иоанн (Чувызгалов) из г.Перми, игумен Виссарион (Гордиенко), Тамбовская епархия, игумен Никон (Смаркалов) из монастыря г.Одессы, игумен Иларион (Прихотько), г.Новгород, иеромонах Симеон (Нестеренко), г.Гудаута, иеромонах Кронид, студент Московской Духовной Академии, протоиерей Анатолий из Курской епархии и многие другие.

Отпевание по монашескому чину совершил митрополит Зиновий. В нем принимали участие около 30 человек священников. Во время отпевания присутствовал Епископ Цалкинский Гайоз. После отпевания игумен Иларион произнес надгробное слово, в котором выразил соболезнование о великой утрате дорогого отца и наставника. Затем гроб с телом покойного был обнесен вокруг престола через Царские врата, и процессия направилась к месту погребения - на городское Грмагельское кладбище. По совершении литии, во время пения "Вечная память", гроб с телом почившего был опущен в могилу. С великой скорбью и со слезами предали его земле.

Просьба угодника Божия ко всем молиться о упокоении его души не была забыта. Образ любвеобильного и милосердного старца глубоко врезался в душу народную. Многочисленные благоговейные почитатели памяти почившего батюшки стекались на его могилку, чтобы отслужить панихиду или просто помолиться о нем. Память о нем не ослабевала, не редели толпы на его могиле. Молящиеся приносили ему цветы, сажали розы на могиле, он сам об этом многих просил - принести цветочки ему на могилку и говорил, что цветы напоминают нам райские красоты.

Многие, по молитвам и ходатайству его пред Богом, получали чудесную помощь, скорбящие утешение, больные исцеление.

Высокопреосвященнейший митрополит Зиновий, как любящий и заботящийся отец, к сороковому дню почившего устроил облицовку оградки на его могилке с надписью на мраморе. А в самый сороковой день посетил могилку почившего угодника сам Святейший Патриарх всея Грузии Давид V в сопровождении митрополита Зиновия, духовенства и благочестивого народа. Была отслужена панихида на могилке. Святейший Патриарх трижды похристосовался с батюшкой, положил на его могилку красное яйцо и произнес: "Отец Андроник! Мы знаем, что ты теперь в Царствии Небесном, - это видно было по твоей жизни. Ты не имел врагов, всех любил и все любили тебя. Ко всем открыто было твое

любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам получить Небесную радость". Затем Святейший Патриарх Давид поблагодарил митрополита Зиновия за его труды и заботы по устройству могилки, сказав, что отец Андроник отблагодарит его, и успокоил его, скорбящего. После обратился к двум инокам Глинским: игумену Власию и игумену Павлину и даровал им сан архимандрита. Утешил также скорбящих прихожан и почитателей о. Андроника, которые съехались с дальних сторон на его могилку. Во время своего пребывания в Грузии его могилку посетил Высокопреосвященнейший Леонид Рижский и всея Латвии, отслужив панихиду о блаженном подвижнике.

Посетил его могилку и Высокопреосвященнейший Леонтий, архиепископ Крымский и Симферопольский, и отслужил панихиду.

Многие и до сего дня стекаются со всех сторон на могилку угодника о. Андроника. Приходят туда за помощью, больные берут землю с могилки блаженного, и земля эта по молитвам батюшки дает им утешение и исцеление.

Память о нем навсегда останется в сердцах благочестивого народа. Молитвами твоего угодника, Господи, сподоби нас Твоей милости в сей жизни и вечного утешения.

25 марта 2009 года Священный Синод Украинской Православной Церкви причислил к лику местночтимых святых схиархимандрита Андроника (Лукаша). По постановлению Священного Синода его память совершается в день празднования Собора Святых Преподобных отцов Глинских – 9 сентября (22 сентября по н. ст.).

Цитируется по книге:

Жизнеописание Глинских старцев: схиархимандрита Серафима (Романцова), схиархимандрита Андроника (Лукаша), схимитрополита Серафима (Мажуги).

Издание Глинской пустыни. 2010 г.